

ТОР ГЕДЪБЕРГ

ИУДА

Тор Гедберг

Иуда

«Public Domain»

1886

Гедберг Т.

Иуда / Т. Гедберг — «Public Domain», 1886

«Это было в Иудейской пустыне, вблизи Иордана. Солнце стояло высоко, не чувствовалось ни малейшего дуновения; воздух был паляще зноен. На тропинке, извивавшейся среди голых утесов, показался Иуда, ведущий за руку свою слепую мать. Долго шли они, не говоря ни слова. Иуда продвигался вперед тяжелой, строптивой поступью и упрямо смотрел вниз. Мать с трудом поспевала за ним. Она шаталась, изнемогая от усталости. Под конец силы совершенно изменили ей, и она остановилась, чуть не падая на землю...»

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	9
III	13
IV	15
V	18
VI	19
VII	21
VIII	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тор Гедберг

Иуда

Часть первая

I

Это было в Иудейской пустыне, вблизи Иордана. Солнце стояло высоко, не чувствовалось ни малейшего дуновения; воздух был паляще зноен.

На тропинке, извивавшейся среди голых утесов, показался Иуда, ведущий за руку свою слепую мать.

Долго шли они, не говоря ни слова. Иуда продвигался вперед тяжелой, строптивой поступью и упрямо смотрел вниз. Мать с трудом поспевала за ним. Она шаталась, изнемогая от усталости. Под конец силы совершенно изменили ей, и она остановилась, чуть не падая на землю.

Тогда остановился и Иуда и мрачно взглянул на нее. Словно почувствовав его взор, она с мольбой подняла к нему свои потухшие глаза и сказала:

– Я так устала, сын мой!

– Не больше, чем я! – жестко ответил он.

– Ты издеваешься! Ты молод и силен, я же стара и слаба; не можешь ты быть так утомлен, как я!

– Не в этом дело! – ответил он в прежнем тоне. – Я более утомлен, чем ты, ибо ты идешь своим собственным путем, а я иду не своим!

– Не гневайся, сын мой! Если труд велик, то будет велика и награда!

Он засмеялся жестким и натянутым смехом, затем грубо схватил мать за руку, подвел ее к камню и усадил на него. Сам он стал на некотором расстоянии от нее, опираясь на свой посох.

Она обратила к нему лицо со смешанным выражением боязни и благодарности.

– Видишь, Иуда, – сказала она, – ты вовсе не так суров! Поди, сядь здесь; дай мне отереть пот с твоего лба!

И она протянула вперед руки, ища его.

Но он не тронулся с места, не ответил ей. Машинально приподнял он край своего плаща и вытер им себе лоб. С минуту царило молчание. Вдруг он потряс кулаком и запальчиво воскликнул:

– Да будет проклят этот человек!

В этот же миг мать подняла руку предостерегающим жестом и прошептала:

– Молчи!

Что-то в ее голосе заставило его вопросительно взглянуть на нее.

Она выпрямилась и сидела, вытянув шею, как будто прислушиваясь. Руки ее дрожали.

– Что это? К чему ты прислушиваешься?

– Молчи – повторила она. – Ты разве не слышишь?

– Ничего я не слышу!

– Не слышишь ты разве точно шум голосов?

– Твои старые уши шутят с тобою шутки. Я ничего не слышу!

Мать скорбно покачала головой.

– Это вина твоего сердца, Иуда! Если б сердце твое хотело, уши твои наверно бы слышали!

Он язвительно засмеялся.

– В таком случае, твои глаза обвиняют твое сердце, мать.

Она не ответила ему; как будто даже не слышала его. Она снова стала прислушиваться, и лицо ее выражало сильное напряжение.

– Нет, я не обманываюсь, – сказала она, – я слышу это, слышу! Это недалеко отсюда. Вот шум растет, а вот стало тихо, слышишь, как тихо, а теперь, слышишь ты, слышишь?

Трепет пробежал по всему ее телу и внезапный свет озарил ее лицо.

Иуда искоса взглянул на нее, и в его взоре быстро промелькнуло что-то похожее на страх. Но затем он подошел к ней, взял ее за плечо и стал трясти, говоря сердитым голосом, безотчетно перешедшим в такой же шепот, как у нее:

– Я ничего не слышу, говорю тебе, ничего! С ума ты что ли сошла?

Мать схватила его руку и с такой силой держала ее, что он не мог сопротивляться.

– Не слышишь ты разве этот голос, отдающийся в горах? Это он, Иуда, это он!

– Кто?

Он вздрогнул и взглянул на нее.

– Иоанн? – нерешительно проговорил он.

– Да, это Иоанн; это, несомненно, Иоанн. Благословен ты, сын мой, приведший меня сюда!

Он высвободился, отошел на несколько шагов и произнес медленно, как бы обдуманно:

– Да будет проклят этот человек!

Мать протянула к нему руки, точно пытаясь его остановить.

– Не ожесточай своего сердца, сын мой!

– Если б оно было помягче, нам обоим пришлось бы умереть с голоду! – ответил он и отвернулся. Он стал прислушиваться украдкой, как будто она могла видеть его, но, ничего не услышав, презрительно передернул плечами и снова повернулся к ней.

Она, между тем, поднялась и беспомощно вперила свои угасшие глаза в пространство.

– Что ты так пристально смотришь туда? – сердито вскричал он. – Ведь ты все равно ничего не видишь!

Тогда она поникла головой и прикрыла глаза руками.

– Горе мне, что глаза мои угасли! Но ты, мой сын, скажи мне, видишь ты что-нибудь?

– Вижу все, что можно видеть. Вижу перед собой рехнувшуюся женщину, вижу вокруг себя горы, а над собою небо, и больше ничего! А там, вдали, вижу полоску воды посреди утесов.

– Это Иордан! Да, да; теперь мы близко к цели. – Она ошупью искала его руки. – Пойдем; я не чувствую больше усталости, нам надо торопиться!

Иуда простоял с минуту в нерешительности, борясь сам с собой. Потом сделал над собой усилие и протянул матери руку.

Она схватила ее, и они пошли дальше.

Тропинка поднималась все выше и выше, становилась все круче, тесней. Земля была раскалена от зноя, и острые камни резали путникам ноги. По временам Иуда останавливался, как будто намереваясь повернуть назад, но мать уговаривала его, трепеща в своем рвении, и он нехотя следовал за ней.

Вдруг утесы раскрылись перед ними, пространство расширилось. Внизу лежали берега Иордана.

Иуда остановился и посмотрел в долину. Его лицо на мгновение побледнело, и в глазах появилась мрачная тень.

Мать сделала несколько шагов вперед, стараясь увлечь его за собой. Но затем она тоже остановилась и стала слушать.

– Вот я опять его слышу, – прошептала она, – теперь уже ближе. Скажи, сын мой, ты и теперь ничего не видишь?

Он ответил не сразу.

– Да, вижу! Вижу там, на берегу, большую толпу мужчин, женщин и даже детей. Одни стоят, другие сидят; они как будто кого-то слушают. Вот, вот – я его вижу; он стоит на камне и держит к ним речь; он как будто угрожает им, поднимает руки...

– Да, да, он угрожает. Видишь, сын мой, угрожает!

– Я его не боюсь! Ах, если б я мог только открыть тебе глаза, ты излечилась бы от своего безумия.

– Скажи мне, каков он с виду? Высок он ростом?

Иуда язвительно засмеялся.

– Он длинный и худой. Похож на нищего. Его тело едва прикрыто одеждой. Волосы спутанными космами лежат на спине, а борода свешивается на грудь. Вот он опять замахал своими тощими руками! Ха-ха! Так это-то новый пророк!

– Да, да; таким он и должен быть: гневным и угрожающим! А глаза, не видишь ты разве эти глаза, как они сверкают в своих впадинах! Это гнев Господень мечет молнии из них; это гнев Господень говорит его устами. Идем, сын мой, идем!

Ее старое, морщинистое лицо озарилось каким-то странным светом, а голос дрожал от волнения. Спотыкаясь, она сделала несколько шагов вперед. Но Иуда не двинулся с места.

– Нет, я дальше не пойду! – глухо пробормотал он.

Мать обернулась, и лицо ее приняло напряженное выражение, словно она старалась разгадать чувства сына.

Он отвел голову в сторону.

– Боишься ты его? Скажи, сын мой, боишься ты его?

Тогда он порывисто вскрикнул:

– Я не боюсь его, я смеюсь над ним! Но я не хочу его слышать, – я честный человек, за мной нет преступления, – но я не хочу, чтоб меня поносили и проклинали; мне нет дела до твоих пророков; я хочу мира; мира хочу я! Пойдем, повернем назад!

Он схватил ее за руку и хотел увлечь за собой. Но она высвободилась и ответила:

– Ступай один! Я пойду к нему!

Он насмешливо расхохотался.

– Пойдешь! Так умоли сначала своего пророка, чтоб он открыл твои глаза!

– Господь поведет меня! – ответила мать, воздев руки к небу. – Прощай, сын мой!

Она начала спускаться вниз по тропинке, вытянув вперед шею, прислушиваясь, ощупывая руками свой путь.

Иуда стоял изумленный и смотрел ей вслед.

«Да ведь она идет! – бормотал он. – Ее ноги без посторонней помощи находят дорогу. Без посторонней помощи?»

Он провел рукой по лбу как бы для того, чтоб отогнать мучительную мысль. В эту минуту мать обернулась к нему, и он отступил назад.

«Какое у нее лицо! – прошептал он. – Бог Авраама! она видит! Она видит!»

Но в этот самый миг она оступилась и упала. У него вырвался вздох облегчения, и он попробовал засмеяться.

«Клянусь Богом, она, кажется, заразила меня своим безумием! Лежи тут и молись своему пророку! Пусть он поможет тебе.»

Он отвернулся и сделал несколько шагов в обратном направлении. Но затем снова остановился.

«Гнев Господень! – подумал он. – За что? В чем моя вина?»

Он беспокойно двинулся, хотел было стиснуть руки, но удержался, и лицо его приняло свое прежнее, вызывающее выражение.

– Это неправда, – громко сказал он, – за мной нет вины! Я не боюсь его, я над ним смеюсь!

Он обернулся и посмотрел вслед матери. Увидав, что она поднялась и продолжает, спотыкаясь, свой путь, он простоял с минуту в борьбе с самим собой, потом решительно взял в руку посох и окликнул мать:

– Подожди, мы пойдем с тобой вместе!

II

В тот же вечер Иуда шел один через пустыню. Его одежда была в пыли, ноги изранены, лицо расстроено. Порой он останавливался и прислушивался, порой ускорял шаг почти до бега. Он бормотал невнятные, бессвязные слова, и взор его пугливо блуждал вокруг. Он точно от кого-то спасался.

Вдруг он услышал позади себя зов. Он вздрогнул и побежал. Но зов повторился; он оглянулся и остановился, принуждая себя улыбнуться своему испугу.

Его догонял седовласый, бедно одетый старец, делая ему знаки рукой и зовя его. Когда тот поравнялся с ним, он сказал, запыхавшись:

– Подожди! Что ты бежишь от меня?

Иуда обвел его подозрительным взглядом.

– Что тебе нужно от меня? – резко спросил он.

– Ничего дурного! Я ведь старик, совсем изможденный; тебе нечего бояться меня.

– Что тебе нужно от меня? – повторил Иуда.

– Я заблудился в этой пустыне. Но вдруг я увидел тебя и подумал, что ты можешь вывести меня на дорогу.

– Куда ты идешь? – машинально спросил Иуда.

Но, прежде чем старик успел ответить, он продолжал с каким-то особенным смехом:

– Стой! Тебе нет надобности отвечать мне! Ты идешь к Иоанну?

Старик с изумлением смотрел на него.

– Каким образом знаешь ты это? Да, это правда; я иду к Иоанну. Знаешь ты, где мне его найти? Можешь ты привести меня к нему?

– Нет, я его не знаю! – мрачно ответил Иуда. – Зачем он тебе?

– Я слышать его хочу! Видишь ли, я живу далеко отсюда, но и до меня донеслась молва о нем. Я старик, мои ноги дрожат от слабости; вот уж год, как я почти не покидаю своего одра; но желание услышать его придало мне силы, и я встал и пошел. Семь дней был я в пути; вчера я набрел на нескольких странников, направлявшихся, подобно мне, к Иоанну, и присоединился к ним. Мое рвение было столь же велико, как у них, но они моложе и сильнее; я не мог идти вровень с ними и отстал от них. Теперь я давно уже скитаюсь в этой пустыне и никак не могу найти дороги. У меня нет больше сил; скоро я совсем изнемогу. Неужели же мне придется умереть, не услышав Иоанна?

Иуда слушал его, и мрачное выражение все время не сходило с его лица.

– Зачем он тебе? – повторил он еще раз.

Но, не дав старику ответить, продолжал:

– Слушай, ты старый человек?

– Ведь я же сказал тебе, – ты видишь мои седые волосы, – ответил старик.

– Ты бедный человек?

– Бедный, но не настолько, чтоб не иметь возможности заплатить тебе, если ты требуешь платы.

– И честный человек?

– Да, тебе каяться не придется.

– Ты веришь в истинного Бога, Бога Авраама и Исаака, молишься в синагоге, постишься в пост, блюдешь святость субботы и веришь, что Бог будет к тебе благостен и милосерд?

– Да, я верю этому, верю!

Тогда Иуда приблизился к нему на один шаг и запальчиво воскликнул:

– Ты лжешь! Ты вор, и ты хуже язычника! Хлеб, который ты ешь, ты украл, и плащ, который на тебе, не твой; ты молишься ложным богам, поэтому горе тебе, ибо гнев Господень над тобою, слышишь ты, гнев Господень!

Старик отшатнулся и испуганно поднял свой посох. Тогда Иуда разразился смехом, жестким, натянутым смехом, столь же внезапно смолкшим на его устах. Лицо его приняло прежнее застывшее выражение, и он угрюмо прибавил:

– Ты хочешь видеть Иоанна! Ступай к нему; ты услышишь слова еще хуже этих!

Старик посмотрел на него и повернулся, чтоб идти. Но Иуда удержал его, простоял с минутой в тягостном раздумье и затем сказал:

– Почему ты поднял на меня свой посох?

– Я не знал, что у тебя на душе, – ответил старик, – ты молод и силен, я стар и слаб; я хотел защититься.

– Но если б я был немощен, как ты, а ты силен, как я, что сделал бы ты тогда? Упал бы ты предо мной на колени и стал бы взывать ко мне о милосердии?

– Ты говоришь как глупец: сильному нечего бояться слабого.

Иуда посмотрел на него и сосредоточенно кивнул.

– Да, это правда, сильному нечего бояться слабого. Зачем же мне бояться его!

Он снова погрузился в раздумье.

Старик поглядел на него с соболезнаванием, покачал головой и хотел идти.

Тогда Иуду охватил внезапный страх, что он останется один; он ощутил потребность говорить, только говорить, открыть кому-нибудь свое сердце, – все равно, кому, лишь бы только этой ценой купить себе хоть искорку сочувствия. Только бы не остаться одному, одному со своими мыслями и чувствами! Он вновь удержал старика и заговорил порывисто и бессвязно:

– Нет, не уходи от меня! Ты, наверно, честный человек; ты стар и опытен; ты можешь быть моим судьей. Да, ты будешь моим судьей!

Эта мысль облегчила его, и он горячо продолжал:

– Видишь ты, я тоже честный человек; в поте лица своего снискиваю я себе пропитание, а между тем я никогда не роптал, никогда не отказывал Господу в том, что принадлежит Ему; я хожу в синагогу, пощусь, я... Но я хочу жить спокойно; какое мне дело до их пророков, почему не дают мне жить спокойно? Отчего мне не радоваться тому, что я приобрел потом и трудом, за что проклинать и поносить меня, когда на мне нет никакой вины? Если меня ударят, разве я не в праве ответить тем же? Почему же он лучше меня? Пророк! Почему он пророк? Нет, не уходи от меня, выслушай все до конца! А потом ты будешь судить; да, ты будешь судить!

– Я жил тихо и спокойно, никого не обижал, делал свое дело и другим не мешал делать свое; больше я ничего не требовал. Но вот этот Иоанн начал проповедовать, и тотчас же все люди точно обезумели. В особенности старые, это удивительно, в особенности старые люди. Почему именно старые?

Он с тревожным недоумением взглянул на старика, как бы надеясь в ответе на этот вопрос найти разрешение важной загадки. Но, когда тот ничего не ответил, он продолжал:

– Но, когда я пришел сюда, нет, постой, ведь у меня старуха-мать, – она слепая, и вот она тоже помешалась и ни днем, ни ночью не давала мне покою, так что, в конце концов, я должен был уступить ей и повести ее сюда.

– Но вот что я скажу тебе, – прибавил он шепотом, – я боялся; все время у меня было предчувствие несчастья, что-то предостерегало меня, да, я боялся!

Он взглянул на старика и сердито перебил сам себя:

– Нет, неправда! Я не боялся его, – я его ненавидел, и когда он стоял предо мной со своими иссохшими членами и горящими глазами, – глаза, эти глаза, – с тех пор я вижу их повсюду... Но я не боялся его; он проклинал и угрожал, говорил о каре Господней и об адском огне, и тогда я расхохотался над ним, прямо в лицо ему расхохотался!

Он тревожно и пытливо взглянул на старика. Тот вырвался от него, как от зачумленного.
– Горе тебе! Что ты сделал! – воскликнул он.

Лицо Иуды омрачилось, и подозрение мелькнуло в его взоре.

– Да, я сделал это, – глухо сказал он, – и сделал бы это и во второй раз... Ты сам же сказал, чего мне бояться его?

Старик испуганно отступил назад и, как бы стараясь остановить его, протянул вперед руки. Иуда презрительно засмеялся.

– Ты тоже боишься его!

Он повернулся и прошел несколько шагов; потом опять остановился и произнес медленно, как бы вызывающе:

– Я ненавижу его!

И, не обращая больше внимания на старика, он удалился медлительной поступью, упрямо питая в себе эту мысль, цепляясь за нее, как за спасительную доску в том сомнении, которое пробудилось в его душе.

Вдруг ему вспомнились последние слова старца, и он снова остановился.

– Мне горе? – подумал он. – За что? И он, пророк, тоже проклял меня! А я сам, разве не клял я и не проклинал!

Внезапно на него напала ужасная тоска; повинувшись внушению минуты, он упал на колени и пролепетал:

– Господи, неужели же все – проклятие? Господи, я устал клясть и устал принимать проклятия. Господи, Господи!

Но у него было безотрадное чувство, что молитвы его, никем не услышанные, тщетно оглашают пространство.

«Ах, я глупец! – подумал он, – ведь Он Бог гнева! Но в чем же моя вина, в чем же моя вина?»

Он бросился на землю и закрыл лицо руками. Им овладела глубокая, горькая печаль, какой он раньше не испытывал никогда; ему захотелось плакать, но вместе с тем он чувствовал, что у него нет слез. И сердце в его груди терзалось болью, которой он не понимал и которой не мог дать исхода.

Он привстал наполовину, прислонился к утесу и стал неподвижно смотреть пред собой. Какие-то слова зазвучали в его ушах; он не мог вспомнить, когда и где он их слышал, но, без сомнения, это было давно, быть может когда он был ребенком. Так странно знакомыми казались они ему теперь.

«Те что сеют в слезах, будут в радости жать.»

«Вот идут они с поля и плачут...»

«Плачут, – подумал он, – я никогда не плакал!»

Солнце стояло теперь большое и красное над западным краем горизонта, и горы отбрасывали длинные тени. Теплое вечернее сияние придало что-то смягченное и меланхолическое голому, суровому ландшафту.

Пламенеющий диск медленно опускался, и, когда он исчез, точно умирающий вздох пронесся по пространству, и с темнеющего неба спустилась на всю окрестность тишина, ночная тишина пустыни, глубокая, неосязаемая, но в то же время столь действительная, столь неотвратимая, что она как будто слилась воедино с мраком.

Тогда одиночество снова стало тяготеть над Иудой. Ему сделалось жутко от мрака и тишины. Ему казалось, что он чувствует присутствие чего-то чуждого, чего-то невидимого, неуловимого, какой-то странной, загадочной силы, наполняющей вокруг него пространство. И ему почудилось, что его судьба вовлекается теперь в свой заколдованный круг, связывается для того, чтоб никогда больше не вырваться на свободу. Он почувствовал себя скованным чем-

то, чего не мог видеть, не мог понять, что превращалось в ничто, как только он пытался возмутиться против него, но, тем не менее, постоянно было тут, неотвратимое, неисповедимое.

Он вытер себе лоб, влажный от пота, постарался преодолеть тоску, от которой сердце его стучало.

«Я, наверно, болен, – подумал он, – ведь здесь нет никого, никого, кроме меня!»

Но и эта мысль утратила его, ибо ему представлялось, будто в его образ облеклось какое-то чуждое существо, существо, которого он боялся. Он хотел бежать, бежать от самого себя! Но мог ли он бежать от самого себя? Его охватило бешенство, он сжал кулаки, сам не зная, против чего – против себя самого, всего на свете. Он стал кричать:

– Мира хочу я, мира! Мне нет дела до вас, – я хочу мира, мира!

Но, когда голос его стих, он вздрогнул, и сердце остановилось у него в груди. Было это воображение, или, действительно, чей-то голос вдали окликнул его по имени?

Он приподнялся и спросил дрожащим голосом:

– Кто там? Кто это меня зовет?

Он стал прислушиваться; все было тихо!

Тогда он попробовал засмеяться, чтоб рассеять свою фантазию, но смех замер на его устах, ибо вновь раздался голос, теперь уже ближе, совсем близко:

– Иуда!

Он вскочил, простер вперед руки, стал ощупывать ими воздух.

– Кто там? Кто там? – кричал он.

Тогда все пространство точно наполнилось голосами, зовущими, угрожающими, и все они шептали его имя: «Иуда! Иуда!»

В неудержимом страхе он пустился бежать, сам не зная куда. Он бежал опрометью, задыхаясь; ему казалось, что за ним гонятся демоны пустыни.

III

Остановился он только тогда, когда заметил вдали Незнакомца. Иуда не испугался Его. Он осторожно подошел к Незнакомцу, поздоровался и дождался, пока Незнакомец поднимет голову и посмотрит на него.

И какое-то необъяснимое чувство охватило Иуду при этом взгляде.

– Можно, я останусь возле Тебя? – спросил Иуда. – Я устал и хочу спать.

Незнакомец сделал движение как бы для того, чтоб подняться, но снова опустился на прежнее место.

– Делай, как хочешь! – ответил Он.

Тогда Иуда стал искать себе места, где можно было бы устроиться на ночь. Но, только что он хотел лечь, как остановился, охваченный внезапным подозрением.

Он недоверчиво оглядел Незнакомца и спросил:

– Что Ты здесь делаешь? Почему Ты один в пустыне?

Тот, по-видимому, опять забыл о нем, потому что вздрогнул при звуке его голоса.

– Зачем тебе это знать? – ответил он. – Ложись и спи!

– Не могу, пока Ты не ответишь мне. Кто Ты?

Глаза Незнакомца засветились каким-то удивительным блеском; он снова сделал движение, как бы порываясь встать, но передумал и ответил:

– Мое имя Иисус. Я из Назарета.

Он смотрел на Иуду со странным, вопрошающим выражением во взоре. Тот отвернулся, простоял с минуту в нерешительности, борясь с самим собой, и потом спросил:

– Знаешь Ты Иоанна, которого называют Крестителем?

Иисус пытливо взглянул на него.

– Да, Я знаю его, – медленно ответил он.

Иуда порывисто обернулся к Нему.

– Ты, может быть, из числа его учеников? Говорят, они ищут уединения, чтобы поститься и бичевать себя? Отвечай же мне! Ты из них?

– А если бы даже и так? Зачем ты спрашиваешь? – уклончиво ответил Иисус.

Иуда мрачно взглянул на Него и повернулся, чтоб идти. Но Иисус встал, пошел вслед за ним и остановил его.

– Постой! – сказал он. – Что же тебе сделал Иоанн?

– Я ненавижу его! – запальчиво воскликнул Иуда. – Я честный человек, а он меня поносил, он... словом, я его ненавижу и ненавижу Тебя, если Ты из его учеников.

Иисус простоял с минуту, погруженный в размышления.

– Да, Иоанн суров! – прошептал Он про себя.

Потом Он внезапно выпрямился, положил руку на плечо Иуды и глубоко заглянул ему в глаза.

– Скажи, ты разве Меня ненавидишь? – спросил Он.

Дрожь пробежала по телу Иуды. Он с удивлением взглянул на Иисуса и затем безмолвно потупил взор.

Иисус улыбнулся, снял с его плеча Свою руку и стал ходить взад и вперед, между тем как Иуда следил за Ним робким, удивленным взглядом. Наконец, Он остановился и кротко сказал:

– Не бойся, Я не буду тебя проклинать! Ты устал, ляг и усни, теперь уже ночь.

Иуда безмолвно повиновался Ему. Все его существо сразу изменилось. Он сам чувствовал, сам сознавал, что повинуетя неотразимой силе, но это сознание не мучило его, оно влиvalo в него ощущение покоя и мира.

Он слышал возле себя шаги Незнакомца; пролежав несколько минут, он поднял голову и спросил:

– Ты разве будешь бодрствовать?

Иисус остановился возле него и ответил:

– Да, Я буду бодрствовать!

Голос Его был печален и трепетал от подавленной скорби.

Иуда снова лег и натянул себе на голову плащ. То же чувство мира и покоя окутывало его душу, но оно соединилось с грустью, еще более тяжелой, чем та, которую он испытал раньше, тогда – при закате солнца. И эта грусть не покинула его во сне.

IV

Долго еще после того, как он заснул, Иисус беспокойно ходил взад и вперед. Наконец, Он остановился возле Иуды и стал задумчиво на него смотреть.

Во время сна Иуда сделал движение, и голова его выскользнула из-под плаща и лежала теперь на голой земле. Иисус опустил на колени, осторожно поправил ему голову и снова прикрыл ее краем плаща. Потом Он долго лежал распростертый, как бы погруженный в молитву, и, когда Он, наконец, встал, все Его тело потрясли сдерживаемые рыдания.

Снова принялся Он за свою беспокойную ходьбу. Но постепенно шаги Его стали замедляться; свинцовая тяжесть усталости привела в оцепенение Его члены. Он, обессиленный, лег на землю и впал в глубокое забытие.

* * *

Вокруг Него было одно только безмолвие, странное, живое безмолвие, нет, не безмолвие, а мрак, бившийся вокруг Него и с чем-то состязавшийся, море мрака, но море, в котором бушевала буря. Его сердце стучало от тоски; Ему казалось, что для Него было бы освобождением увидеть хотя бы только искорку света; Он искал ее, напрягая всю свою душу, но тщетно: все было мрак и безмолвная, как смерть, борьба.

Но внезапно этот мрак точно принял очертания и формы, и вот, – Он хотел отшатнуться, но не мог, – совсем близко от Него, почти Его задевая, стали проходить вереницы людей, густыми, волнообразными рядами, бесконечные вереницы, вырвавшиеся из мрака и снова сливавшиеся с Ним. Они шли мимо, мимо, но все они шли, наклонившись к земле, шли колеблющимися шагами, изнемогая под невидимой ношей.

«Что это они несут?» – спросил Он себя, и этот вопрос, на который Он не мог ответить преисполнил Его тоской.

«Боже мой, Боже мой, что это они несут?»

Тогда один из них, проходя мимо, обратил к Нему свое лицо и взглянул на Него. Это было лицо Иуды, в его взоре заключался немой, обвиняющий вопрос. Это длилось одно только мгновение; затем он снова исчез во мраке, и другие, незнакомые образы последовали за ним, придавленные, как и он, невидимой ношей.

Но теперь Он понял, что они несут.

Это был вопрос, и вопрос этот был обвинением против Него. И в глубине Его сердца шевельнулось что-то, взывавшее к жизни, что-то, разрывавшее Ему грудь, но Он не мог найти спасительного слова.

Он исполнился глубокой, беспредельной скорби пред этим мимо идущим шествием. «Чего они хотят?» – думал он. – «Боже мой, чего они хотят?»

Вдруг в воздухе пронесся шелест, и Иисус почувствовал, что Он больше не один. Он обернулся.

Рядом с Ним стоял высокий, темный призрак.

Прекрасные, сильные члены трепетали мощною жизнью; грудь при дыхании вздымалась и опускалась с величественным спокойствием моря, а под смуглой, упругой кожей просвечивало биение жил. Его ноги с уверенной твердостью опирались на землю, но от плеч его исходили два крыла; продолжая еще медленно развеваться после полета, они ширились, исполински громадные, пока не терялись во мраке, как бы составляя с ним одно. Вокруг лица волосы вились густой гривой черных, как смоль, кудрей, но юношеские в своей стихийности черты были неподвижны, точно высечены из камня, – под низким, широким лбом глаза лежали во мраке, а вокруг рта была складка застывшей печали.

– Они голодны! – произнес призрак. – Дай им хлеба, и они благословят Тебя!

– Хлеба! – подумал Иисус. – Горе Мне! У Меня нет хлеба!

Тогда призрак положил Ему руку на плечо.

– У Тебя есть власть! – сказал он, – вели этим камням сделаться хлебом, и они послушаются Тебя.

Все время шли мимо Него безмолвные вереницы этих людей, изнемогавших под своей невидимой ношей, и в их лицах Он читал обвинение. Тогда все силы точно оставили Его; Он наклонился, и одна рука Его коснулась холодных камней. Холод пробежал по Его телу, Он снова поднялся и выронил из рук взятый было камень.

– Камни не могут сделаться хлебом! – сказал Он.

И снова преисполнился бесконечной скорби.

Тогда призрак засмеялся. Но вокруг его рта лежала все та же складка застывшей печали. Он схватил Иисуса в свои объятия и понес Его по воздуху.

И, держа Иисуса прижатым к своей груди, призрак наклонил голову и шепнул Ему на ухо:

– Дай им камни вместо хлеба; у Тебя есть власть; они поверят Тебе!

И снова тот же странный смех раздался в ушах Иисуса. Он посмотрел на это лицо, так низко склонившееся над Ним, и спросил:

– О чем ты скорбишь?

Тогда призрак точно взглянул на Него тем мраком, который был у него под бровями; но безмолвно отвернулся от Него и вместе с Ним спустился по воздуху на землю. Иисус был опять свободен.

Они стояли на высокой горе; под ними лежал Иерусалим, освещенный солнцем. На улицах народ кишел волнообразными, мятущимися толпами, и все эти люди устремляли свой взор в Него, все протягивали к Нему свои руки, угрожая, и из уст их поднимался тысячеголосый крик: – «Мессия! Мессия!» – И Он спросил себя с тоской: – «Чего хотят они? Боже мой, чего они хотят?»

Тогда призрак сказал:

– Они хотят могущества и славы. Ты властен им это дать. Дай, и они будут звать Тебя владыкой!

И он простер свою руку над Иерусалимом. Тогда город точно размножился; город за городом вырастал из лона земли, с золочеными храмами и громадными башнями, а между ними протекали реки с одетыми лесом берегами и все народы земли мириадами теснились там, и умноженный в несчетное число раз, поднимался зов: «Мессия! Мессия!»

Но призрак разрастался все больше и больше, и крылья его покрыли собою все небо, так что затмили солнце.

– Мессия! – произнес он, – смотри, все это Твое! – Иисус взглянул вниз, на Иерусалим, и взоры его уходили все дальше и дальше; но все время душу Его наполняла ранящая боль; снова показалось Ему, что грудь Его готова разорваться от зарождавшейся в ней мысли, но Он не мог найти спасительные слова.

– Нет! – сказал Он. – Не этого хотят они. – И взоры Его стали искать в пространстве, как бы надеясь там найти ответ на мучившую Его загадку.

Тогда в далекой дали, где сливались небо и земля, Он увидел угрюмое шествие, увидел бесчисленные вереницы людей, изнемогавших под своей невидимой ношей.

Призрак нагнулся к Нему и шепнул:

– Хлеба!

Но Иисус покачал головой. В тот же миг один из этих людей обратился к Нему лицом и посмотрел на Него, и снова Иисус узнал черты Иуды. Тогда свет внезапно озарил Его; Он простер руки и сказал:

– Любви!

Призрак засмеялся, и отголосок его смеха отозвался раскатами вдали. Но на лице его лежало то же выражение застывшей печали, и он взмахнул крылами, готовясь улететь.

V

Долго спал Иуда крепко и глубоко. Но под утро сон его стал тревожен и лихорадочен; его начали преследовать томящая тоска, боязнь чего-то угрожающего, чего-то неизбежного; он рвался и метался; все было тщетно! Вдруг страх его исчез, и он проснулся тихо и спокойно.

Он почувствовал, что кто-то, низко склонившись над ним, отирает ему пот с влажного лба. Он открыл глаза и увидел лицо, неизгладимо запечатлевшееся в его памяти с этой минуты. Бледное, исхудалое лицо, обрамленное волнистыми черными волосами, ниспадавшими на плечи. Был какой-то своеобразный контраст между могучим лбом, лежавшим строго, почти грозно над бровями, и мягкими, кроткими линиями рта, но в удивительно глубоком взоре этот контраст сливался в одно целое поразительной красоты. А теперь на бледных, изнуренных чертах был разлит свет, говоривший о выдержанной борьбе.

С минуту Иуда изумленно рассматривал это лицо и снова поспешно закрыл глаза. Ему казалось, что это сон, и он инстинктивно боялся пробуждения. Но вот он заметил, что Иисус встал и отошел от него. Он вновь открыл глаза и присел на земле.

Было еще темно; только на восточном крае горизонта начинал распространяться слабый отблеск рассвета.

– Ты уходишь от меня? – спросил Иуда. Ему все время казалось, что он говорит во сне, без собственной воли и мысли.

Иисус остановился и обернулся.

– Да, – ответил он, – теперь мы должны расстаться! Ты ведь так хотел! – прибавил Он со слабой улыбкой.

Снова испытал Иуда чувство унижения или стыда.

– Так разве я Тебя больше не увижу? – тихо спросил он, не глядя на Него.

Иисус смотрел на него, что-то обдумывая.

– Может быть, и увидишь! – сказал Он. И снова погрузился в размышление, отрешившись от всего окружающего. Иуда видел, как взор Его скользнул мимо него, уходя вдаль, и чувство зависти омрачило его душу. Он лег опять и стал угрюмо смотреть пред собой. Прошло несколько минут; вдруг он услышал голос Незнакомца.

– Как тебя зовут?

– Иуда! – отвечал он, не поднимая головы.

– Иуда! – повторил Иисус, и на мгновение точно тень покрыла Его лицо. Но она быстро исчезла, и Он продолжал:

– Так вот, Иуда; когда ты почувствуешь себя призванным, приходи, – Я буду ждать тебя.

И снова Он медленно пошел от него прочь.

Иуда глядел Ему вслед, борясь сам с собой. Он чувствовал побуждение встать и пойти за Ним, но какой-то неопределенный страх парализовал его волю. Наконец он порывисто вскричал:

– Кто же Ты? Как мне Тебя найти?

Иисус снова остановился и ответил:

– Когда время настанет, ты сумеешь Меня найти! Он как будто стал выше, и лицо Его сделалось лучезарным. Он приблизился на один шаг к Иуде, поднял руку и сказал:

– Помни, Иуда! Ты не должен ненавидеть!

Затем Он повернулся и вскоре исчез среди скал. Когда Иуда не мог больше следить за Ним взором, он снова лег и впал в глубокий сон.

VI

Когда он вторично проснулся, солнце стояло уже высоко на небе. Он пролежал сначала несколько минут с закрытыми глазами и с таким чувством, будто он видел что-то во сне и хочет это вспомнить. Но вспомнить он не мог, и у него явилось желание заснуть опять, чтоб в сонном состоянии к нему вернулись ускользнувшие грезы, как вдруг он увидел перед собой чье-то лицо. Он вздрогнул, сел на земле и посмотрел вокруг. Никого не было; он был один.

– Неужели это был только сон? – подумал Иуда.

Затем он вспомнил события прошедшего дня, встречу с Иоанном, свое бегство через пустыню, разговор со старцем; но все это припоминалось ему лишь смутно и неполно, как будто это случилось давно. И мысль об этом не волновала его больше, не пробуждала больше в его душе тех чувств, которые держали его в своей власти накануне.

«Какое мне дело до Иоанна!» – с презрением сказал он себе и снова углубился в думы о чем-то, что касалось его ближе и находилось в связи с лицом, которое он все время видел перед собой. Но он не мог отдать себе ясного отчета; это представлялось ему до такой степени странным, до такой степени бесформенным, и он снова постарался стряхнуть это с себя, повторяя мысленно, что это был сон.

Он опять лег на спину и стал смотреть на небо, вздымавшееся над ним высоким синим сводом. В вышине над его головой, распластав крылья, кружился орел: ему показалось, будто он подсматривает за ним, будто острый его взгляд, упорно устремлен на него. Это стало его мучить. «Что ему от меня нужно? – подумал он. – Зачем он подглядывает за мной». И точно боясь выдать свою тревогу, он лежал совсем неподвижно и следил глазами за птицей, пока наконец она не улетела, быстро взмахивая крыльями, не исчезла вдали, превратившись в темную точку. Тогда он почувствовал себя спокойней; но в то же время у него явилось ощущение пустоты.

Ибо он не мог оторвать своих взоров от синего, сияющего неба, и бесконечное его пространство, где он не находил уже для глаз своих точки опоры, заставило его почувствовать себя таким потерянным, таким заброшенным. Ему казалось, что все вокруг него внезапно изменилось, так что он не мог ни в чем больше разобраться. И он думал, беспомощно и жалобно, как дитя: «Что мне делать? Куда идти, куда направить путь?»

«Как удивительно светит солнце!» – подумал он затем. – Никогда не видал я раньше, чтоб оно так светило! Уж не лик ли это Господень? Быть может, солнце-то и есть Господень лик! – Потом он расхохотался при мысли, что Иоанн назвал бы это языческим лжеучением: «Иоанн! Какое ему дело до Иоанна!»

Внезапно перед ним мелькнуло чье-то лицо; у него как-то странно сжалось сердце, и он снова уцепился за прежний ход своих мыслей.

«Все это – одно воображение!» – думал он торопливо и напряженно: «Солнце и вчера так светило, и все прежние дни, – это одно лишь воображение! Только бы мне знать, куда мне идти! А что, думает ли кто-нибудь другой в это мгновение о том же, о чем думаю я?» – внезапно пришло ему в голову: «Кто-нибудь другой!»

Он поспешно привстал, точно пробудившись от сновидения, ибо в этот самый миг он проникся сознанием, что, пока он лежал здесь, бездеятельный, отдавшийся во власть сонных грез, вокруг него были все люди, ужасающее множество людей, и все они шли, поглощенные своими собственными мыслями, занятые своими собственными делами, устремляясь к своим собственным целям! Это сознание было так ярко, что ему показалось, будто он видит всех этих людей, точно ползающих в муравейнике, и его охватил завистливый страх, как бы его не задавили в этой толпе, не отпихнули, как бы не отняли у него его доли в добыче. И с ужасом

думал он о том времени, которое для него пропало; ему представлялось, что никогда не удастся ему его наверстать.

Но теперь точно внезапный свет озарил его, и ему стало ясно, что он должен делать. Как это он раньше не сообразил! Он должен идти домой; разумеется, он должен идти домой.

Он вдруг увидел перед собой всю свою прежнюю жизнь, ощутил в себе вновь мысли, желания и порывы, владевшие им прежде, и его охватило тревожное стремление выздоравливающего снова вернуться ко всему этому, чтобы увериться, что все осталось по-прежнему.

Руками, дрожащими от нетерпения, взял он свой посох и встал. Вид этой местности вызывал в нем такое же отвращение, какое чувствует больной к одру своих страданий. «Только бы мне уйти прочь отсюда», – думал он: «Только бы добраться до дому!»

Он попытался выяснить по положению солнца, в какую сторону ему держать свой путь, и пошел крупными, решительными шагами, неотступно устремляя взор вперед. У него было такое чувство, точно он оставляет здесь часть самого себя, все то, что мучило его последние сутки, и одна единственная мысль наполняла его, – вернуться домой, домой!

VII

Спустя несколько дней по возвращении Иуды пришла домой и его мать. Ее взяли с собой какие-то сострадательные путники, которым было с ней по дороге.

Она сильно изменилась за эти дни. Погас тот свет, которым энтузиазм и вера озаряли ее лицо, и тело ее еще больше пригнулось к земле.

Было утро, когда она возвратилась. Иуда только что встал и сидел еще в горнице. При виде матери лицо его потемнело; он молча поднялся с места и прошел мимо нее, не сказав ни слова приветия. Лишь поздно вечером вернулся он и все так же, не говоря ни слова, бросился на постель и повернул лицо к стене.

Мать ощупью добрела до него и села у его изголовья.

– Иуда! – произнесла она дрожащим голосом и, ища его руки, протянула вперед свою, но тотчас же снова отдернула ее.

Тогда он сердито присел на постели, суровым жестом схватил ее руку и сказал с тяжелым, угрожающим ударением на каждом слове:

– Я ничего не хочу слышать, – понимаешь ты, ни одного слова! Один раз я позволил тебе меня одурачить, но это был первый и последний раз. Помни, что я говорю тебе, – одно только слово, и я выгоню тебя из своего дома!

Мать вздохнула и повторила с мольбой:

– Иуда!

– Уйди от меня! – воскликнул он: – Оставь меня в покое! – И он сердито оттолкнул ее. Она встала, вся дрожа, и побрела ощупью к своей постели. Он снова лег и заснул тяжелым сном.

Но мать с каждым днем все таяла и таяла и вскоре уже не могла подниматься с постели. Иуда ходил за ней с угрюмой, строптивой нежностью, но они почти не говорили друг с другом.

Прошел месяц и мало-помалу Иуда снова сделался самим собой. Первое время он с лихорадочным жаром кинулся в колею своей прежней жизни, цепляясь за свои прежние мысли, устремляясь к прежним своим целям. С течением времени к нему вернулось все-таки спокойствие; неуклонно, но машинально, совершал он, как и прежде, свой дневной труд для того, чтобы при наступлении вечера забыться тяжелым, глубоким сном. Благодаря постоянному, неослабному напряжению воли, он изгнал из своих мыслей то, что с ним произошло в пустыне; если же воспоминание, как далекое видение, порой мелькало пред его духовными очами, он старался избавиться от него, говоря себе, что это был сон.

Случалось, что при нем произносили имя Иоанна, и тогда он думал с пренебрежением: «Какое мне дело до Иоанна!»

И сознание, что эта мысль не стоит ему никаких, усилий, что она является у него совершенно естественно, наполняло его радостью.

«Все это теперь прошло, прошло навсегда». Одного он все-таки не мог обрести в себе вновь – радости, доставляемой трудом, удовлетворения, приносимого платой за него. Это было для него все на свете, а между тем вокруг него оставалась пустота, которой ничто не могло заполнить, пустота, никогда не покидавшая его. Как бескровная тень, она следовала за ним, куда бы он ни шел, и когда, утомленный, он отправлялся на покой, она ложилась рядом с ним и покоилась возле него во время сна. Это был враг, невидимый, неосознаваемый враг, с которым он не мог сразиться, которого не мог победить, но которого встречал глухим, настойчивым отпором.

В будущее он не дерзал больше заглядывать; одна уже мысль о нем мучила его; он жил изо дня в день, сгибаясь под дневной работой, как под добровольно взятым на себя бременем.

Однажды Иуда увидел на улице впереди себя двух проезжих, оживленно беседовавших друг с другом. Он не обратил на них особенного внимания, но все же заметил, что один – его сосед, недавно возвратившийся из путешествия в Галилею.

Он шел быстрее их и скоро их нагнал. Проходя, он слышал обрывки из разговора, не вникая, однако, в значение слов, как вдруг его слух поразило одно имя. Это имя было Иисус.

Он остановился, до такой степени взволнованный, что все его тело задрожало, и пропустил мимо себя прохожих, рассматривая их смущенным взором. Они с изумлением взглянули на него, но он на это не обратил внимания. Долго еще после того, как они исчезли, он стоял неподвижно на том же месте и пристально смотрел им вслед.

Было утро; солнце уже высоко стояло на небе; из домов поднимался дым и повседневная жизнь была в полном разгаре.

Тогда Иуда собрался с мыслями. «За работу!» – машинально подумал он: «Мне надо за работу приняться!» – и он продолжал свой путь, повторяя про себя эти слова, хотя не находил в них никакого смысла. Вдруг он снова остановился, с жестом отчаяния схватил себя за голову и затем поспешно направился домой.

Это поразило его, как молния; он был еще почти оглушен и не был в состоянии мыслить связно. У него было только сознание того, что все, что он воздвиг за это время, все это разом разрушилось, и что он, в сущности, все время знал, что это так и будет.

Придя домой, он запер за собою дверь и бросился на постель, закрыв лицо руками.

Мысли вихрем носились в его голове. «Так это, значит, был не сон; это действительно случилось!». Да, он теперь понимал, что никогда и не верил, что это был сон, что он обманывал самого себя и знал, что себя обманывает. «Но, если это правда, то...» – он не мог продумать своей мысли до конца, но пред ним точно мелькнуло что-то великое, что-то дивное, перед чем голова его закружилась.

И вдруг он увидел перед собой фигуру и лицо Иисуса и вспомнил все, каждое слово, каждый взгляд, каждое движение. И тогда ему сделалось страшно. Чего он боится, он сам не понимал, но он был во власти страха, смертельного страха...

Долго лежал он так; он знал, что час проходит за часом, но не имел сил вырваться из своего оцепенения. Он чувствовал, как мелко, как безразлично все другое сравнительно с тем, что наполняло его душу теперь.

Но вот ему пришла в голову одна мысль, и он с жаром ухватился за нее. Быть может, все это ничего не значит; быть может, это было просто случайное совпадение, и слышанное им имя принадлежит совсем другому человеку.

Он разом сделался опять спокоен и принял решение – ему нужно будет удостовериться, прежде всего нужно будет удостовериться.

К нему вернулась его энергия; он отправился к соседу, произнесшему роковое слово, и стал его расспрашивать, все время сохраняя свое хладнокровие; ни на миг не изменился он в лице, ничем не выдал своего волнения. Этому способствовало также смутное чувство вражды, которое внушал ему этот человек, чувство, похожее на то, которое он испытал по отношению к Иоанну, и которое даже присутствие матери возбуждало в нем порой.

Сосед рассказал ему, что он слышал в Галилее об Иисусе и Его деятельности, о том, как молва о Нем протекла уже далеко, рассказал о чудодейственной силе, которую приписывали Его словам и Его воле. Сам Он называл себя Мессией, и многие верили, что Он, действительно, обещанный Богом помазанник Его. Но большинство маловерно покачивало головами и считало Его обманщиком, ибо известно ведь было, что Он сын Иосифа, бедного плотника из Назарета.

Сосед был человек словоохотливый и, разговорившись, долго и подробно распространялся на эту тему, дополняя рассказ своими собственными мнениями и объяснениями.

Иуда слушал его молча. Когда он, наконец, ушел от него, на нем тяжелым бременем лежало сознание, что судьба его свершилась.

С этой минуты Иуда не знал больше покоя. Днем он ходил точно во сне, а ночью не мог заснуть; точно далекие голоса призывали его тогда; жуткая тревога гнала его прочь с постели, и он выходил в ночной мрак и бесцельно бродил и бродил, пока, обессиленный, не возвращался домой и не впадал под конец в забытие, в котором его преследовал все тот же неизменный, непонятный для него призыв. Образ Иисуса, точно видение, носился перед ним неотступно; по временам он чувствовал точно внезапный толчок, сердце его начинало усиленно биться, и тогда ему казалось, что он не один, что кто-то стоит с ним рядом, он не решался оглянуться, он знал, что это Иисус; ночью, когда он лежал с закрытыми глазами, им вдруг овладевало такое ощущение, будто кто-то склоняется над ним, и тогда он видел пред собой бледное лицо с этой улыбкой, от которой ему делалось стыдно. По вечерам же, когда солнце заходило, и небо пламенело на западе багрянцем, он часто видел фигуру Иисуса, направлявшуюся в сторону вечерней зари.

Порой он думал, что ненавидит Его, порой – что Его боится; иногда у него являлось желание стать с Ним лицом к лицу, чтоб бросить Ему вызов и спросить: «Что Тебе нужно от меня? Что сделал я Тебе, чтоб Ты так меня терзал?»

Первое время он старался бороться с этим, неистово накидывался на работу, но мучительно чувствовал бесполезность этого средства и вскоре отказался от него.

Часто испытывал он поползновение открыть свое сердце матери, чтоб, быть может, таким путем обрести себе покой; но его отпугивало что-то в выражении ее лица, что-то, казавшееся ему родственным с его собственным душевным состоянием. Порой тот же оттенок выражения ему чудился и в других лицах; случалось, что на улице он схватывал обрывки разговора, находившиеся, по его мнению, в связи с его собственной судьбой и встречавшие отзвук в его сердце. Все точно сговорилось, чтоб увлечь его к цели, которой он не мог ясно различить, но которая наполняла его трепетом.

* * *

Однажды утром он проснулся окрепший телом и духом после короткой, глубокой дремоты. И в ту же минуту, как он проснулся, пред ним с ясностью предстало одно решение, как будто явившееся ему во сне. Он встал и торопливо оделся, затем отворил дверь в горницу, где лежала мать.

Она так слаба была, теперь, что он понимал, как недолго уже ей осталось жить. Когда он отворил дверь, она обратила к нему свое изможденное лицо с потухшими глазами, и снова увидел он в нем выражение, казавшееся ему зеркалом его собственной души. Но теперь ему подумалось, что он понимает его лучше, чем прежде, и как-то удивительно мягко и тепло стало у него, на сердце.

Он подошел к матери и бережно взял ее руку.

– Мать, – сказал он, – я ухожу на несколько дней.

Она с трудом приподнялась на постели.

– Уходишь?

В ее голосе слышался затаенный страх.

– Да, мне надо отлучиться, но я скоро вернусь. Я попрошу старуху Марфу приглядеть за тобой.

Она снова бессильно опустила на подушку.

– Не замешкайся! – испуганно и нерешительно взмолилась она. – Не дай мне умереть без тебя!

Он попытался успокоить ее, но она прервала его.

– Не замешкайся! – повторила она. – Я чувствую, что теперь уже недолго осталось.

Он не нашелся ничего больше сказать, высвободил свою руку, которую она удерживала с судорожной силой, и направился к двери. Мать повернула к нему лицо с напряженным, вопрошающим выражением.

– Куда ты идешь? – спросила она наконец.

Он остановился, хотел как будто подойти к ней, но потом передумал.

– Не все ли это равно? – сказал он жестким тоном. – Какое тебе до этого дело?

И он поспешно вышел из комнаты. Но, когда он затворял за собою дверь, до него донесся слабый голос матери:

– Господь да хранит тебя, сын мой!

И эти слова сильно его взволновали.

* * *

На следующий день вечером Иуда был в пустыне, у него сложилось представление, что он должен посетить то место, где произошла ночная встреча, – что там он вновь обретет себе спокойствие и мир.

Долго скитался он в тщетных поисках. Надвигалась ночь, а с нею темнота. Дул холодный ветер. Истомленный, Иуда нашел себе наконец приют в горной пещере и заснул в ней тяжелым, глубоким сном без сновидений. Последней его мыслью было полное надежды: «завтра!»

Он рано проснулся на следующее утро. Сначала он не мог понять, где он, но когда отдал себе в этом отчет, им овладело глубокое уныние. Что-то смутно говорило ему, что не сюда хотел он идти, что другая цель была у него в виду.

Он присел на землю, погруженный в тяжелые, безотрадные думы. Солнце стояло красное над горизонтом; холодные порывы ветра мчались над широкой, голой пустыней. Всю свою жизнь прожил Иуда среди этой природы; обнаженные горы Иудеи постоянно ограничивали его кругозор; а между тем ему казалось теперь, что он их видит впервые. Теперь он почувствовал, что они замыкают в себе темницу, и его стало тянуть прочь, прочь отсюда, к чему-то светлому, солнечному. Он коченел здесь, коченел до дна своей души. Зачем он пришел сюда, – ведь не это было у него на уме!

Он встал и пустился в обратный путь. Поднявшись на один из холмов, он увидел вдали светлые струи Иордана. Он остановился, устремив в эту сторону свой взор.

Там был Иоанн! Он сам удивлялся, что к мысли о нем теперь уже не примешивалась злоба. Он подумал: «Да разве к Иоанну хотел я идти?» Другая мысль налетела на него, но он поспешно оттолкнул ее, хотя и сознавал, что она снова и снова будет возвращаться и, в конце концов, одержит над ним верх.

Он медленно пошел дальше. Вдруг в его ушах прозвучало: «Я буду тебя ждать!» – он сделал движение, выразившее тревогу, и ускорил шаги, точно хотел от чего-то спастись.

* * *

Спустя два дня он вернулся домой. Был вечер. В дверях он встретил соседку Марфу, обыкновенно присматривавшую за его матерью, когда он бывал в отлучке. Она сказала ему, что больная так ослабела, что, по всей вероятности, не доживет до утра. Он отослал ее домой и вошел к матери.

Она лежала совершенно неподвижно и, казалось, не заметила его, когда он вошел. Он подумал было, что она уже умерла, и эта мысль вызвала в нем внезапное раскаяние; ему казалось, что он хотел сказать ей что-то перед ее кончиной, и что теперь, когда он явился слиш-

ком поздно, это будет вечно лежать тяжестью на его душе. Он наклонился и прислушался к ее груди; она еще дышала, совсем слабо, но правильно и ровно.

Иуда сел возле ее постели и стал ждать. Он спрашивал себя, что же это он хотел сказать ей. Теперь он не мог этого вспомнить.

Пурпурный отблеск заката проник в окно, сначала ярко осветил умирающую, потом медленно стал подниматься, скользнул над головой Иуды, побледнел и погас. Птичка, певшая на дереве перед домом, умолкла; сделалось так тихо, что он мог слышать дыхание матери, становившееся все слабей и слабей. Тогда снова на него напал страх, что она умрет, прежде чем он успеет поговорить с ней; он осторожно тронул ее за руку и шепотом произнес:

– Мать!

Судорога пробежала по ее телу; она попробовала поднять руку, но не могла, зашевелила губами, но из них не вышло ни звука, и лицо ее приняло испуганное, молящее о помощи, выражение.

– Мать! – повторил он громче и наклонился к ней.

– Это ты, Иуда? – сказала она так тихо, что он скорее угадал, чем расслышал ее слова.

– Да, это я! – ответил он. – Как ты себя чувствуешь, мать?

Она подняла веки, потом опять их закрыла, и рот ее болезненно передернулся.

– Недавно пред моими глазами точно что-то блеснуло, – это было солнце?

– Да, – ответил он.

– Мне снилось, что ко мне вернулось зрение и что мне доведется еще раз увидеть все, и свет и все, прежде чем умереть. Но теперь опять стало темно.

– Солнце зашло теперь, мать; поэтому и стало темно.

Она покачала головой, как бы показывая этим, что он не понял ее, вздохнула и снова сделалась безмолвна и недвижима.

Но Иуда думал с тоской: «Что это я хотел сказать ей? Боже мой, она умирает, а я не могу этого вспомнить!»

Прошло несколько минут; и вот на нее нашла внезапная тревога; руки ее стали перебирать одеяло, и она прошептала:

– Иуда! Где ты?

– Я здесь, мать, что тебе?

– Ближе! – шептала она: – Подойди поближе!

Он нагнулся к ней, прикинув ухом к ее губам.

Тогда она заговорила, сначала совсем тихо и невнятно, так что первых слов он не мог уловить, но затем более сильным и внятным голосом:

– Но это был не он, Иуда, – это, наверно, был Божий человек, святой человек, но это был не он. Но близко время, Ииуда, он сказал это, и я почувствовала, что он говорит правду, близко время, когда исполнится Господне обетование, когда Господь вспомнит о своем народе. Тогда придет Он, Мессия, Он будет крестить Духом Святым и огнем, Он – Мессия! Но мне не придется увидеть Его! Горе мне, что я должна умереть, не сподобившись видеть Его!

Какое-то странное волнение охватило Иуду; сердце его вздымалось, так что грудь его готова была разорваться, и тогда он нашел то слово, которое искал. Он прильнул губами к уху матери и шепнул ей:

– Мать, я Его видел!

Трепет пробежал по ее телу; с внезапной силой приподнялась она на постели, охватила руками голову сына и притянула ее к себе. Затем пальцы ее скользнули по его глазам, лбу и снова по глазам; светлое, сияющее выражение появилось на ее лице; она зашевелила губами, как бы желая что-то сказать, снова стала ощупывать его голову и опрокинулась на подушку. Когда Иуда встал и взглянул на нее, он понял, что она умерла.

Всю ночь просидел он у ее тела. Он не думал; он находился в таком состоянии напряжения, которое не позволяло ему думать. Тем не менее, он безотчетно разбирался в своей душе; все светлей и ясней становилось у него на сердце, и, когда наступило утро, для него было уже несомненно, что он должен бросить все другое и пойти к Тому, Кто называл Себя Мессией.

VIII

Странные слухи ходили в то время по Иудейской стране. Рассказывали о Человеке, в Котором воскресла мощь древних пророков, но в обновленном, странном виде, – Человеке, из уст Которого исходили загадочные, пророческие речи, хотя и звучащие отголоском древних пророчеств о грядущем тысячелетнем царстве, но содержавшие вместе с тем в себе нечто новое, нечто, до той поры не слыханное, нечто, разрушавшее все старые верования и предания, – дивную, величественную грезу будущего, истинный смысл которой лишь немногие могли постичь, но которая всех наполняла изумлением и восторгом. Говорили, что Его слова то звучали кротко и любовно, так что многие в одном уже звуке Его голоса почерпали себе мир и утешение, то обрушивались беспощадным укором, причиняя тем, кому они предназначались, такую же боль, как удары бича; говорили далее, что одна уже воля Его была врачеванием для больных и увечных и что Он одним взглядом, одним словом, одним движением подчинял Себе умы и навеки покорял сердца.

Одни думали, что это Иоанн, бежавший из темницы, в которую заключил его Ирод, и выступивший теперь с обновленной мощью, другие, что это восставший из мертвых Илья, великий пророк, явившийся предвозвестить Мессию; но находились люди, полагавшие, что это сам Мессия, обетованный сын Давидов, пришедший основать новое царство Израилево, – царство, долженствовавшее, по Его собственным словам, охватить собою весь мир. И они предавались восторженным, бесформенным мечтам, и многие покидали свои дома и семьи, чтоб узреть Того, в ком сила Господня, после долгих времен гнета и поношения, вновь пробудила избавителя.

Но молва о Нем создала Ему также много врагов, издевавшихся над Ним и насмехавшихся над Его учением, между тем, как в глубине своего сердца они Его боялись. То были богатые и сильные, находившие в Его словах дерзкие нападки на государство и собственность; то были старые люди, твердо державшиеся внешних обрядностей и обычаев, которые Он часто бичевал резко и беспощадно, то были книжники, фарисеи и священники, видевшие угрозу своему могуществу и своей власти над умами со стороны Этого Плотникова сына. То были, наконец, равнодушные и сомневающиеся, у которых огонь погас и энтузиазм остыл, которые устали стремиться к лучшему, устали от грез, не претворившихся в действительность, и сделались приверженцами старого, мудрого изречения: смотрите, ведь все обстоит благополучно! – а потому с насмешкой и недоверием встречали все молодое и новое, ища горького наслаждения в подобном бичевании своего собственного безумия, которому они изменили. Всем этим седым головам или седым сердцам Он был страшен и подозрителен, и все они замыслили подкапаться под эту силу, грозившую перерасти их.

Но в то время до этого еще не дошло; прямо Он еще не ополчился против них, а скорее их избегал и держался вдали от Иерусалима, этого сердца вражеского стана, – поэтому Он и мог еще идти беспрепятственно своим путем.

Главным полем Его деятельности была пока его родина, Галилея. Там странствовал Он, без постоянного жилища, чаще всего ночуя под открытым небом, иногда у кого-нибудь из своих более обеспеченных последователей.

Там обращался Он со своей речью к общине, состоявшей из рыболовов и пастухов, там покорял Он простые, детские сердца, умы, не углублявшиеся в Его учение, зачастую не понимавшие Его, но влекомые к Нему самому обаянием его существа и верившие в Его слово, потому что они верили в Него. Там приобретал Он преданных сторонников среди несчастных и отверженных, среди падших, презираемых созданий, которым Он без высокомерия протягивал свою руку, а над смятенной душой бесноватых Его спокойный, кроткий взор имел удивительную власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.